* * *

Мечтали на незримой высоте
Такие к жизни подобрать слова,
Чтобы летать легко и вольно петь,
И времени без меры подпевать.

Но чудится ногам земная твердь,
Где нужно от зари и до зари
Тревожно жить и быстро умереть,
И мало спать, и бедно говорить.

На деле из подводной темноты,
Как рыбы — серебристые бока —
В безмолвии мы открываем рты,
Не ведая другого языка.

* * *

Оставьте ваши возгласы и муки.
Любовь в одном мгновении, когда
Кричишь на кухне, вскидывая руки,
И вдруг, остыв, заплачешь от стыда.
Ни бабочек, ни пташек в животе —
Не тот масштаб, трагедии не те.

В ту редкость столь нечаянных минут
Между уютом сна и неуютом
Работ, учеб, поездок и простуд
Быть нежным и признательным кому-то.
Попробуй перед тем наладить быт,
Где свет и трепет может быть убит.

И мы стоим разрухи посреди,
Придавливая в кухне половицы.
Сердца волной заходятся в груди,
От крика жарко раскраснелись лица.
На мокром месте яркие глаза.
Ну что сказать. Куда теперь назад.

Нет, никуда. Садись, лица не прячь.
Так стыдно. Ну, пожалуйста, не плачь.

ПРИДАЧА

1

Чуть поскользнешься, выйдя на Придаче.
След поезда уже в ночи простыл.
Подумаешь, что надо жить иначе —
Свободным и отчаянным, простым.

Под лай дворняг докуришь, осторожно
Пойдешь вперед, ругаясь так и сяк.
В ночи морозной, железнодорожной
Тебя проводит черный товарняк.

На станции, где даже нет вокзала, —
Дыра такая, господи прости, —
Вновь сходятся и вновь берут начало
Надежды непутевые пути.

Под грохот проходящего состава
Пойдешь вперед, шальной, полуживой,
Рывками разгоняя боль в суставах,
Кивая непокрытой головой.

2

Где памятник с протянутой рукой,
Красивый и приветливый такой,
Как будто приглашает удавиться,
Там я среди молчания иду,
Не приминая снега на ходу,
В надежде разглядеть живые лица.

Родные имена шепчу тайком.
Что толку звать — давно лежат рядком
За этим неприметным поворотом.
А если чуть подальше повернуть,
То все равно ни охнуть, ни вздохнуть,
Припоминая — это кто? а кто там?

И не пугаясь шорохов земных,
Приветствую знакомых и родных,

И тянется порука круговая.
Но тишина обрушится в ответ,
Когда они посмотрят мне вослед,
Посмотрят на меня, не узнавая.

3

Благодаря свою свободу,
Стакан граненый, черный хлеб,
Прожили мы четыре года
И проживем еще шесть лет.

Как образцы правопорядка
В своей блистательной красе,
Живем без споров и достатка,
Не сильно жалуясь, как все.

Не зная праздности и лени,
Грешим и каемся навзрыд.
А в мавзолее дремлет Ленин,
Гагарин по небу летит.

А мы живем без кривотолков
Вдали от этих и от тех —
У незнакомого поселка,
На безымянной высоте.

* * *

Расковырять затянутую ранку
До первой крови. Только не боли.
Я дома, но смотрю, как чужестранка,
На жизнь соседей на краю земли.

Не ласточка, но вздорная сорока,
Не сознавала — ляжет к праху прах.
Обречена отныне и до срока
На чуждых объясняться языках.

Сбегая под прикрытием тумана,
Окину мутным взглядом серый вид.
Случайно растревоженная рана
Кровит.